

РЕВЮ

Горбуны — «Использующий решетку для жаренья вместо скрипки», «С пуговицами на спине», «Играющий на лютне», нищие — «С костылями, в колпаке» и «С костылями, в шляпе»

Выставка «Весь мир — театр...» в ГМИИ

конфузы

Три слагаемых — любимец публики Юрий Башмет, модный композитор Гия Канчели и слово «премьера» — гарантировали аншлагу очередному выступлению оркестра «Новая Россия». Хотя двери Большого зала Консерватории открылись с задержкой на целый час, никто из слушателей не ушел. Наиболее любопытные пытались заглянуть внутрь, откуда доносился Прокофьев; вопрос в том, стоила ли запоздавшая репетиция таких жертв.

Башмет попросил прощения

концерт знаменитого альтиста начался со скандала

Башмет с альтом гораздо органичнее Башмета за пультом Фотограф: Владимир Суворов/Газета

Илья Овчинников

Изначально в программе концерта стояла лишь Литургия Гии Канчели для оркестра с альтом (московская премьера). Затем оказалось, что у Литургии есть и название «Оплаканный ветром», так и не появившееся в афише. Следом было решено дополнить опус Канчели сочинениями Сергея Прокофьева: Башмет получил возможность выступить с «Нбвой Россией» (худруком которой он является) еще и в качестве дирижера, а медитативного Канчели уравновешивал подвижный Прокофьев. Однако если год назад в концерте «Новой России» эти два композитора сочетались более или менее удачно, то на сей раз симбиоз не состоялся, а концерт удивил непродуманной драматургией.

Литургия Канчели, увертюрой к которой послужил романс для альты с оркестром Романа Леденева, звучала в первом отделении; дирижировал Феликс Кругликов. Написанное для Юрия Башмета и посвященное памяти Гиви Орджоникидзе, близкого друга композитора, сочинение впервые было исполнено в 1990 году в Берлине под управлением Валерия Гергиева. Много лет назад Канчели скромно сказал: «Я пишу тихую, медленную музыку и очень боюсь, чтобы слушатель не заснул». Когда звучит «Оплаканный ветром», заснуть, пожалуй, непросто: эту музыку следует слушать очень внимательно либо не слушать вовсе.

Как и в симфониях Канчели, здесь немало контрастов между почти полной тишиной и неожиданными оркестровыми «взрывами». Однако если в восприятии

слушателя симфонии композитора иной раз распадаются на отдельные эпизоды, то Литургия производит более цельное впечатление. Причем наиболее захватывающими стали не «взрывные», а как раз «тихие и медленные» моменты, когда альт звучал на фоне простых переборов клавесина, челесты, фортепиано. Наибольшая неожиданность поджидала в конце: скорбный финал оказался ложным, и последний аккорд альты прозвучал в мажоре. Публика приняла сочинение не без энтузиазма, но спокойно: видимо, задержка концерта испортила настроение многим. Особо эмоциональные слушатели даже требовали извинений. Их не последовало, и в течение первого отделения мобильные телефоны в зале звонили втрое чаще обычного — то ли назло, то ли по недомыслию.

«Мы вас извиняем за ваши мобильные телефоны, а вы нас извините за опоздание», — добродушно произнес Башмет после антракта. Грянул первый концерт Прокофьева, и стало окончательно ясно: два отделения следовало поменять местами. Virtuозность юного пианиста Мирослава Култышева звучала почти кощунственно после тончайших соло Башмета в траурной музыке Канчели. Вечер, без сомнения, должна была завершать Литургия; более того, она и сама по себе звучала бы исчерпывающе. Получилось иначе. Концерт Прокофьева и сюита из «Ромео и Джульетты» прозвучали как два развернутых биса, начисто зачеркнув философское настроение музыки Канчели. Впрочем, иные дирижеры современности позволяют себе бисировать даже после Пятой симфонии Шостаковича.

А ведь могло бы быть наоборот: сочинения Прокофьева, хорошо знакомые большинству слушателей, стали бы неплохим аперитивом к музыке Канчели. В интересах самого Башмета, вероятно, было бы завершить концерт блестящей игрой на альте; увы, последним — и самым устойчивым — впечатлением вечера стала неаккуратная игра оркестра в «Ромео и Джульетте». И хотя Башмет как дирижер был на сей раз более эмоционален, нежели на осеннем выступлении со своими же «Солистами Москвы», ему едва ли удалось вдохнуть жизнь в искрометную музыку Прокофьева. Между прочим, без нее концерт начался бы вовремя и был вдвое короче, зато ничто не смазало бы впечатления от настоящего музыкального события, каким в действительности явилась московская премьера Литургии Канчели в исполнении Юрия Башмета.